

П

На правах рукописи

Цыренова Ирина Станиславовна

**МЕДВЕДЬ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ
(ИСТОРИКО-ГЕНЕТИЧЕСКИЕ И КУЛЬТУРНО-
СЕМАНТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)**

Специальность 07.00.07. – этнография, этнология и антропология

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Улан-Удэ
2005

Работа выполнена на кафедре этнографии и фольклора Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств.

Научный руководитель: доктор исторических наук, профессор
Надежда Базаржаповна Дашиева

Официальные оппоненты: доктор исторических наук, профессор
Татьяна Дмитриевна Скрынникова

кандидат исторических наук
Дарима Цыбиковна Бороноева

Ведущая организация: Бурятский государственный университет

Защита состоится 03 февраля 2006г. в ___ часов на заседании диссертационного совета Д 003.027.01 при Институте монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (670047, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Бурятского научного центра СО РАН.

Автореферат разослан 28 декабря 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
д-р ист. наук

Ц. П. Ванчикова

Ц.П.Ванчикова

2007-4

2456829

3

12092

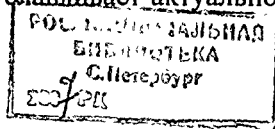
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Изучение мировоззренческих аспектов традиционной культуры народов мира, их исторической роли и места в общем социально-культурном и этноконфессиональном комплексе является одной из важнейших задач в этнографических и этнокультурологических исследованиях и реконструкциях.

В комплексе религиозно-мифологических представлений и обрядовой практике бурят, несомненно, наиболее архаичными являются образы почитаемых животных. Особое место среди них занимает медведь, культ которого или рудименты культового почитания были характерны для всех локальных групп бурят. Между тем, до настоящего времени образ медведя не был предметом специального исследования в бурятской этнографии, и как следствие, в бурятоведении существует немало проблемных вопросов, касающихся образа медведя в традиционной культуре бурят как в историческом, генетическом, так и в семантическом аспектах.

Наиболее полно система религиозно-мифологических представлений бурят о медведе и обусловленных ими обрядов восстанавливается лишь в сумме своих фольклорных, лингвистических, этнографических конкретизаций. В этой связи оправданным является решение данной проблемы с привлечением данных разных дисциплин, позволяющих выстроить анализ мифопоэтического, фольклорного и лингвистического материала в этнологическом русле, а также на основе анализа собственно этнографического и археологического материала.

Исследование историко-генетических и культурно-семантических аспектов образа медведя в традиционной культуре бурят в рамках комплексного подхода, во-первых, дает возможность реконструировать более полно комплекс представлений и обрядов, связанных с образом медведя в традиционной культуре бурят, в совокупности определяемых нами как «культ медведя»; во-вторых, позволяет охарактеризовать отдельные элементы ранних религиозных представлений, связанных с архаичной хозяйственной и общественной организацией ранних этнических предков бурят (или их предшественников). Все изложенное и обуславливает актуальность выбранной темы.

Степень разработанности проблемы. Обзор исследовательской литературы, в той или иной мере касающейся проблемы изучения культа медведя у бурят, особенно у ранних авторов, показывает, что в целом она носит описательный характер. Материалы письменных, изобразительных, устных и других источников довольно разрозненны и носят фрагментарный характер. Эти отрывочные сведения не могут дать этнографической науке ясной картины того, что представлял собой культ медведя у бурят. Специальных же работ, в которых бы детально и комплексно исследовались структура и генезис, обрядовая атрибутика медвежьего культа у бурят, в исследовательской этнографической литературе на сегодняшний день не имеется.

Первые сведения об обрядах, совершаемых перед охотой на медведя и после нее, а также поверьях, связанных с добычей медведя у бурят, были описаны в кон. XIX—нач. XX вв. Из наиболее ранних опубликованных исследований наибольшей информативностью обладают материалы М.Н. Хангалова, которые содержат описание «медвежьей церемонии», т.е. обрядов, связанных с охотой на зверя и захоронением его останков, описание охотничьего быта бурят, в частности, подготовку к медвежьей охоте, а также сказки и различные поверья о медведе [Хангалов, 2004а, 2004б, 2004в].

Достаточно подробное и обстоятельное описание медвежьей охоты у бурят и сопровождающих ее ритуальных действиях содержится в «Материалах по истории и культуре бурят» Г.-Д. Нацова, хотя исследовательский анализ «медвежьих» обрядов не входил в задачи ученого [Нацов, 1995].

Некоторые сведения о существовании различных суеверий по отношению к медведю, о сроках охоты на него и правилах ее проведения, об особом статусе медведя в традиционных верованиях бурят и др. содержатся в работах Г.Н. Потанина [Потанин, 1882, 1883, 1916], статьях Б. Барадина [Барадин, 1925], П.П. Баторова [Баторов, 1926], П. Полтораднева [Полтораднев, 1929]. В этих работах имеется достаточно материала, отражающих представления, связанные с медведем, но вместе с тем, отсутствуют системный и критический анализы.

Среди исследований 30-х годов интерес для нашей работы представляет статья К.В. Вяткиной «Пережитки тотемизма и его разложения в связи с облавными охотами бурят». Автор, сравнивая общие термины в названиях животных и родственных номенклатурах,

и изучив археологические материалы Саяно-Алтайского нагорья и Прибайкалья, связанные с образами животных, высказывает предположение о наличии в прошлом тотемного культа медведя у народов, населяющих данную территорию [Вяткина, 1933].

Очевидную значимость в разработке отдельных вопросов генезиса адорации, связанной с медведем у бурят, имели материалы археологических исследований А.П. Окладникова, изложенные в его работе «Культ медведя у неолитических племен Восточной Сибири» [Окладников, 1950].

В общем русле исследований по нашей теме интерес представляют работы Г.Р. Галдановой, в которых заключены ценные материалы о содержании охотничьего культа, особом отношении и почитании животных у бурят. Несмотря на небольшой объем сведений, касающихся собственно культа медведя, нужно отметить, что они носят цельный характер [Галданова, 1981, 1987, 1992].

Промысел медведя и обрядовая практика, связанная с ним, рассматриваются в монографии С.Г. Жамбаловой «Традиционная охота бурят» [Жамбалова, 1991]. В работе исследователь на основе полевых, архивных и литературных источников раскрывает процесс формирования и развития охотничьей культуры бурят, где нас в большей мере интересует представленный ею «производственно-идеологический комплекс» охотничьего общества. Необходимо отметить, что по результатам нашего исследования все обрядовые действия, производимые в процессе добычи медведя бурятскими охотниками, не реконструируются как «медвежий праздник».

Из последних опубликованных работ большую ценность для нашей работы представляют материалы монографии Н.Б. Дашиевой «Календарь в традиционной культуре бурят (опыт историко-этнографического и культурно-генетического исследования)», где рудименты почитания медведя в культовой традиции бурят анализируются автором в связи с реконструкцией архаического календаря бурят. В работе впервые предприняты семантический анализ образа медведя и попытка выявить этногенетические истоки почитания медведя у бурят [Дашиева, 2001].

Специально посвященным исследованием медвежьего культа у бурят является статья А. А. Бадмаева «Реликты культа медведя в культуре бурят», выполненная на основе фольклорных, этнографических и этимологических сопоставлений. В работе автор приходит к выводу, что в культе медведя у бурят сохранились реликтовые

черты, восходящие к развитому тотемному культу этого животного в далеком прошлом. Исследователь выдвигает гипотезу, согласно которой медвежий культ был распространен у предков бурят еще до возникновения такого феномена как шаманизм [Бадмаев, 2002].

Проблема бытования в бурятской культуре культа медведя не может ограничиваться изучением материалов только бурятской этнографии. Исследование этой проблемы требует обращения к широкому кругу источников по этнографии, археологии, мифологии и лингвистике народов, занимающих сопредельные с бурятским ареалом территории, в которых культ медведя имеет ярко выраженный характер. В целом, по культу медведя у сопредельных с бурятами народов Сибири, существует довольно обширная литература.

Культ медведя у эвенков и других тунгусоязычных этносов исследовался А.Ф. Анисимовым [Анисимов, 1959, 1960, 1969]. Наиболее полно культ медведя у эвенков отражен в трудах Г.М. Василевич [Василевич, 1930, 1957, 1969]. По мнению этих исследователей, почитание медведя у эвенков носило промысловый характер, однако в его основе лежат тотемистические представления. При этом предполагается, что он был унаследован тунгусоязычными народами от древних палеоазиатских (палеосибирских) групп, в культуре которых исследователи видят его истоки.

Особый интерес для нашего исследования вызывает разработка адорации, связанной с медведем, у тюркоязычных народов Сибири – якутов и южносибирских (саяно-алтайских) тюрков. Это обстоятельство связано с уверенно выделяемым исследователями тюркским компонентом в этногенезе и этнической истории бурят. Почитание медведя у якутов рассматривали И.А. Худяков [Худяков, 1969], В.М. Ионов [Ионов, 1915], А.Е. Кулаковский [Кулаковский, 1923], В.Л. Серошевский [Серошевский, 1993] и др. Из работ о якутском культе медведя наибольший интерес представляет статья В.М. Ионина «Медведь по воззрениям якутов», написанная на основании материалов, собранных в Центральной Якутии [Ионов, 1915]. Из современных ученых бытование соответствующего феномена в комплексе традиционных верований и культов якутов рассматривали Н.А. Алексеев [Алексеев, 1980] и С.К. Колодезников [Колодезников, 1996] и др. Верования алтайцев и шорцев, связанные с медведем, освещены в статье Л.П. Потапова «Пережитки культа медведя у алтайских турук» [Потапов, 1928]. Что касается таких этнографических групп, как хакасы, тувинцы, тувинцы-тоджинцы, тофала-

ры, то нужно отметить, что в литературе имеются лишь отрывочные сведения о почитании ими медведя.

У народов Сибири в наибольшей степени изучен культ медведя и т.н. «медвежий праздник» у обских угров – хантов и манси. Обско-угорский медвежий праздник изучали Н.Н. Харузин [Харузин, 1898], В. Новицкий [Новицкий, 1925], А.М. Золотарев [Золотарев, 1934], В.Н. Чернецов [Чернецов, 1965], В.М. Кулемзин [Кулемзин, 1972, 1996], З.П. Соколова [Соколова, 1972, 2000], И.Н. Гемуев [Гемуев, 1985], Н.А. Гондатти [Гондатти, 1988], Н.В. Лукина [Лукина, 1990], Т. Молданов [Молданов, 1999] и др.

Связь медвежьего праздника с охотничьим хозяйством у обских угров и амуро-сахалинских народов отмечает Б.А. Васильев. В классической работе «Медвежий праздник» исследователь подчеркивает промыслово-магическое значение этого праздника [Васильев, 1948].

Исследованию почитания медведя у народов Амура и Сахалина посвящены работы А.В. Смоляк и Е.А. Крейнович. А.В. Смоляк, изложив свой взгляд на происхождение ряда элементов медвежьего культа у народов Амура и Сахалина, подчеркнула самобытность культуры этих народов, ее аборигенный характер [Смоляк, 1976]. Е.А. Крейнович в двух статьях описала медвежий праздник, изученный ею у нивхов Амура и Сахалина как по случаю удачной охоты на медведя, так и после убийства медведя, выращенного в клетке [Крейнович, 1982].

Из последних опубликованных работ по изучению культа медведя и «медвежьего праздника» у обских угров и амуро-сахалинских народов наибольший интерес для нас представляют труды З.П. Соколовой [Соколова, 1998, 2000, 2002], где исследователь на основе многолетнего опыта исследований особенностей медвежьего культа у этих народов приходит к выводу, что в целом культ медведя и медвежий праздник у народов Сибири – сложный синкретичный комплекс представлений и обрядов, свидетельствующий о длительности его развития как на общей охотничье-промысловой основе, так и под влиянием этногенетических процессов и этнических контактов на разных территориях и в различных этнических средах.

Таким образом, мы видим, что представленный обзор работ по исследованию культа медведя у бурят в сравнении с другими народами Сибири и Дальнего Востока вновь позволяет резюмировать о недостаточной изученности этого культурно-исторического явления

в бурятской этнографии и востребованности его комплексного исследования в рамках традиционной культуры бурят.

Соответственно, целью данной диссертационной работы является исследование историко-генетических и культурно-семантических истоков медвежьего культа в традиционной культуре бурят на основе семантического анализа образа медведя в религиозно-мифологических представлениях и связанных с ними обрядах.

Исходя из поставленной цели, в работе определены следующие задачи:

1) выявление генезиса культа медведя в традиционной культуре бурят;

2) реконструкция наиболее полной синтагматической структуры обрядности, связанной с воззрениями о медведе как культово почитаемом звере;

3) выявление общебурятских черт и локальных особенностей в почитании медведя у разных групп бурят;

4) интерпретация сходства и различий обрядово-ритуальной практики, связанной с культом медведя у бурят с таковым у сопредельных этносов;

5) выявление и анализ семантической связи мифологических преданий и обрядовой практики, связанных с образом медведя, с религиозно-мифологическими представлениями и верованиями иного семантического и функционального уровня (как с бурятскими, так и с иноэтничными);

Объектом исследования является комплекс адоративных элементов и религиозно-мифологических представлений в традиционной культуре бурят, обозначенных нами как «культ медведя».

Предметом исследования являются следующие системные компоненты, из которых состоит т.н. «культ медведя у бурят»: 1) фольклорно-мифологические предания бурят о медведе; характеризующие его образ лексемы и эпитеты в текстах мифологии, эпоса, паремии; 2) представления, поверья и запреты, связанные с сакральным образом медведя; 3) комплекс ритуалов, связанных с промыслом медведя.

Территориальные и хронологические рамки. Территориальные рамки охватывают те районы этнического ареала бурят, где были зафиксированы промысел медведя и связанные с ним обряды, поверья, запреты, религиозно-мифологические представления и т.д. Это Предбайкалье (УОБАО, Иркутская область) и Западное Забай-

калье (РБ), а также район Присяянья в пределах Нижнеудинского района ИО. Хронологические рамки исследования ограничены периодом второй половины XIX - начала XX вв., к которому и относится описание отдельных компонентов соответствующего адоративного комплекса.

Выполнение намеченных задач, особенно в «генетическом» и историческом аспектах, предполагает привлечение как типологически близкого к предмету нашего исследования материала, так и материалов, которые могут быть признаны генетически связанными с почитанием медведя у бурят. Соответственно, целесообразным следует признать оперирование материалом, зафиксированным в древних петроглифах, статуарных изображениях и т.д., что обуславливает расширение исторических границ исследования во времени до эпохи энеолита – ранней бронзы, а также территориальных рамок исследования. Расширение последних предполагает использовать материалы по рудиментам культа медведя у других народов Сибири. Конечно, необходимо признать, что чем генетически и хронологически ближе к бурятам привлекаемый как для синхронического, так и для диахронического изучения материал, тем меньше элемент гипотетичности в предполагаемых реконструкциях. Хотя, в целом, правомерность более широкого его привлечения представляется несомненной, так как эти данные не только облегчают толкование обрядов и мифологических сюжетов, но и проясняют их взаимосвязь.

Теоретико-методологическая основа работы. Методологическую основу исследования составляет метод историзма и комплексный подход, применяемый к изучаемому явлению. Большое значение уделено историко-сравнительному или компаративному методу, который, в свою очередь, предполагает три вида исторических сравнений: 1) историко-типологические (изучающие сходство конвергентных явлений); 2) историко-генетические (исследующие явления, имеющие сходную генетическую связь в их развитии, т.е. диахронно); 3) историко-диффузионные (изучающие явления, распространявшиеся в результате заимствований). Историко-типологический метод (один из основных в данной работе) позволил в соответствии с целью и задачами исследования провести типологические сравнения и параллели по вопросам медвежьего культа с таковым у сопредельных с бурятами народов. При изучении фольклорных источников, касающихся образа медведя, были применены методы научного синтеза и анализа, метод семантического

анализа. При реконструкции архаичных мифов и преданий был применен метод ретроспективного анализа.

Теоретико-методологической базой исследования послужили труды С.А. Токарева, Д.К.Зеленина, О.М. Фрейденберг, А.П. Окладникова, Е.М. Мелетинского, Е.С. Новик, Е.А.Алексеевко, Н.Л. Жуковской, Е.А.Торчинова, З.П. Соколовой, Г.Р. Галдановой, Т.Д. Скрынниковой, монографии коллектива авторов А.М. Сагалаева, И.В. Октябрьской, Э.Л. Львовой, М.С. Усмановой и др.

Источниковая база исследования. В процессе работы над диссертационным исследованием были использованы труды исследователей, которые одновременно явились источниками. Это работы М.Н.Хангалова, Б. Барадина, Г.Н.Потанина, Г.-Д. Нацова, Г.Р. Галдановой, С.Г. Жамбаловой, З.П.Соколовой и др. Были использованы архивные материалы из фондов музея истории Бурятии им. М.Н.Хангалова; материалы из фондов С.П. Балдаева, материалы из ХВР ИМБиТ – полевые записи Г.Р. Галдановой (ед.хр. 3406), «Материалы по этнографии аларских бурят» 45 (423) П.П. Баторова. Эти материалы, различные по своему характеру, содержат ценные сведения для разработки темы нашего исследования. Ценным источником явились памятники фольклора бурят: героические эпосы «Абай Гэсэр», «Аламжи Мэргэн», где можно обнаружить важные сведения из традиционного религиозного мировоззрения бурят; легенды и предания бурят [Буряд арадай туухэ домогууд, 1990], сказки [Бурятские народные сказки, 1990]. Также в диссертации использованы материалы полевых экспедиций кафедры этнологии и фольклора ВСГАКиИ, а также записи собственных полевых исследований, проведенных автором в Баргузинском и Курумканском районах республики Бурятия в 2002-2004г.г.

Научная новизна исследования определяется прежде всего тем, что в представленной работе впервые в бурятской этнографии на основе систематизации, обобщения и анализа накопленного учеными-этнографами материала, прямо или косвенно касающегося проявлений культа медведя в традиционной культуре бурят, произведена реконструкция религиозно-мифологических воззрений о медведе и обусловленных ими обрядов как единой системы. Комплексный подход к изучению культа медведя в традиционной бурятской культуре позволил: а) *в историко-генетическом плане* более детально реконструировать семантику образа медведя у бурят (метод сравнительно-исторического изучения элементов культа медведя у

бурят с таковым у сопредельных этносов); б) в культурно-семантическом плане выявить обусловленность религиозно-мифологических представлений, верований и обрядов, связанных с почитанием медведя, не только тотемистическими и промысловыми воззрениями на зверя, но и с идеями отражения элементов культа медведя в проекции других культовых систем (например, пропициальном, культе умирающего и воскресающего зверя) и в шаманизме.

Также исследователем введены в научный оборот ранее не использовавшиеся в исследованиях архивные и полевые материалы.

Научно-практическая значимость работы. Материалы и основные результаты работы могут быть использованы при исследовании тех или иных аспектов традиционной культуры бурят и других народов Сибири, в том числе и при написании специальных и обобщающих научно-этнографических работ. Практическая значимость работы заключается в том, что ее положения и результаты могут быть использованы в учебно-образовательных целях: для составления спецкурсов, учебных программ и пособий в ВУЗах, а также при разработке методических пособий для школ с программным изучением национальной культуры.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, трех глав, заключения, примечаний и библиографического списка использованной литературы. Последовательность расположения глав и параграфов обусловлена самим содержанием исследования, связанным с целью и задачами данной темы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность исследуемой темы, рассматривается степень научной разработанности проблемы, анализируются труды предшественников. Также исследователем формулируются цели и задачи работы, обосновывается ее научная новизна, выделяются методы и приемы исследования.

Глава 1. «Медведь в фольклорно-мифологической традиции бурят (генезис образа, его семантика и функции)» посвящена семантическому анализу образа медведя в рамках мифологической и фольклорной традиций бурят с целью более четкой интерпретации его образа и адекватного определения его места и статуса в мировоззренческом комплексе бурят.

Раздел 1.1. «Этиология образа медведя в мифопоэтической традиции бурят». В разделе анализируется проблема отражения образа медведя в комплексе известных нарративных текстов в мифологической традиции бурят, этиологизм которых позволяет достаточно уверенно определить большинство из них именно как мифы. Основная их этиология – объяснение *происхождения/появления медведя/медведей*.

Различия в сюжетной коллизии и характер этиологического финала вариантов бурятского «мифа о появлении медведей» позволяют классифицировать их в две группы:

а) мифологические тексты о превращении человека в медведя вследствие наказания его богом (бурханом);

б) мифологические тексты об обращении в медведя человека, наделенного способностью оборотничества в зверя и навсегда оставшегося в этом обличье.

Основной отличительной особенностью первой группы мифологических преданий о медведе является коллизия *противостояния* человека (богатыря, стрелка, шамана) с верховным небесным божеством (*бурханом, тэнгри*), обуславливающая соответствующий этиологический финал – превращение человека небесным божеством в медведя. Общая финальная этиология (превращение человека в медведя как наказания его богом) дополняется специфическим моментом – *потерей большого пальца*.

Большой палец в мифологии монгольских народов не только маркирует *принадлежность к сфере человеческого* (категория «человек/культура»), но и соотносится с жизненной силой человека. Отсутствие (потеря) большого пальца у персонажа соотносится с его «умиранием», т.е. превращением в *инаковое существо (не человека)* – в медведя.

Сравнительно-сопоставительный анализ образа медведя в мифологических традициях бурят, ряда тюрко-монгольских народов и таежных этносов (эвенков и обских угров) показывает существенные различия в его характеристике и статусе медведя при общем сходстве сюжетных основ. В мифологической традиции сибирских народов образ медведя обнаруживает *положительную* валентность: связан с верхом, светом, мотивом возрождения Солнца, является сыном небесного божества. В первой группе бурятских мифов медведь обладает деструктивной функцией, обнаруживает свою хтоническую природу – принадлежность к Хаосу, генетически связан с нижним миром (семантическая корреляция с существами хтониче-

ского мира – кротом, крысой). То есть в целом, в сюжетах мифов этой группы образ медведя обретает *негативную* валентность.

Основными семантическими компонентами этих мифов является древняя мифологема противостояния небесного божества и персонажа с хтонической природой (древний центральноазиатский компонент), на который наложился древний сибирский компонент, где медведь выступает в качестве почитаемого животного, наделенного сверхъестественными способностями. Если первый компонент для бурятской мифологии можно определить как субстратный, то второй (сибирский) представляется наложением (суперстратом). В целом, можно сказать, что в воззрениях бурят образ медведя сложился в результате контаминации образа хтонического зверька (тарбагана, крота) с образом таежного зверя (медведя). Немаловажную роль в предполагаемой контаминации сыграла близость семантического статуса животных, заключающаяся в их ассоциации с «низом»/нижним миром, в принадлежности к чужому, враждебному миру.

Итак, на древний центрально-азиатский сюжет, повествующий о противостоянии небесного (солярного) божества и человека с «хтоническим характером», привнесенный в Предбайкалье средневековыми тюркскими или монгольскими предками бурят, наложился мифологические представления о медведе, носителями которых были аборигенные этнические группы охотников и рыболовов.

В разделе 1.2. «Образ медведя в мифах «оборотнического» цикла» рассматривается и анализируется цикл мифологических сюжетов, где основой содержания является мотив превращения в медведя человека, наделенного способностью оборотничества и в результате варьируемых сюжетных коллизий навсегда оставшегося в зверином обличье.

Инвариантными (стереотипичными) моментами преданий «оборотнического» цикла являются: 1) сама коллизия оборотничества; 2) основной персонаж – человек, обращающийся в медведя (агентивный код); 3) дерево (предметный код); 4) хождение вокруг дерева (акциональный код).

Выделенные нами в этом разделе основные критерии по отдельным характеристикам, т.е. локализация сюжетов, предметный и акциональный коды, персонажный и агентивный ряды позволили выявить локальные особенности религиозно-мифологических представлений у локальных групп бурят.

В преданиях медведем-оборотнем выступает: 1) охотник (*ангушан*); 2) шаман (*боо*); 3) человек, обладавший колдовскими, магическими способностями (*абтай хун*). Изначально эти персонажи наделены «сверхфункциями» и особой ролью в обществе, т.е. являются «контрагентами», проникающими в иной природный мир со стороны человеческого коллектива: охотник способен входить в иномирье животных, шаман общается с миром духов, *абтай хун* также обладает связью с миром животных и с локусом сверхъестественных сил..

Таким образом, бурятские предания «оборотнического цикла» рудиментно отражают представления о «человеке-медведе», осуществляющем *медиацию* между локусом людей и природным инобытием, в последующем замененным локусом сверхъестественного (миром божеств, духов. Приобретая зооморфный облик, данный персонаж в обществе с мифологическим типом мышления не теряет антропоморфности поведения: он охотится в лесу, добывая себе зверей на пропитание. Следовательно, в событиях мифа мы наблюдаем смешение двух миров, человеческого и природного начал. Пребывание персонажа в образе зверя (медведя), влекущее за собой как бы «выпадение» из настоящего, текущего времени и пространства, можно определить как «временную смерть» в человеческом обществе, уход в иной мир – мир предков. Происходит корреляция между двумя мирами (социумом и природой) посредством зоантропоморфного персонажа (медведя) и предков, как существ, принадлежащих одновременно двум мирам и двум временам – профанному и миру умерших/духов.

Сходство с преданиями и представлениями других народов Сибири (якутов, угров, эвенков) позволяет предположить, что бурятские легенды «оборотнического» цикла были унаследованы этническими предками-предшественниками предбайкальских бурят в результате их взаимодействия в пределах Предбайкалья с таежными охотничьими этносами, для религиозно-мифологической традиции которых были, очевидно, характерны мотивы оборотничества человека в медведя и сожительства человеческой женщины с медведем. Заимствование выразилось в размытости и неясности этиологического финала бурятских легенд и в адаптации их основных семантических моментов к структуре мифологической картины мира бурят.

В разделе 1.3. «*Образ медведя в бурятской паремии*» анализируются лексический материал паремий с участием образа медведя с

целью определения его семантики. Основным материалом бурятской паремии, который можно использовать в исследовании семантики мифопоэтического образа медведя в традиционной культуре бурят, дают нарративные (описательные) загадки, которые основываются на иносказаниях. В них отражается амбивалентное отношение к медведю: 1) как к одному из представителей животного мира с присущими ему звериными повадками (профанный уровень); 2) как к сверхъестественному существу, наделенному сущностными характеристиками *иного* мира (сакральный уровень фольклорного персонажа). Т.е. в текстах паремий образ медведя содержит дуалистичную концепцию почитания зверя: с одной стороны, он наделяется (посредством эпитетов, табуации) сакральными чертами, с другой – как сверхъестественное существо, медведь характеризуется чертами негативной (сверхъестественной) инаковости, выявляемой в локальном коде.

Таким образом, резюмируя основные положения первой главы, мы можем сказать, что в фольклорно-мифологической традиции бурят при исследовании генезиса образа медведя, его семантики и функций обнаруживается амбивалентность его образа. Кроме того, в этиологических мифах бурят о медведе зверь наделяется негативными чертами (близость к хтоническому миру, деструктивная функция образа и т.д.). Отметим, что у бурят нет данных мифологии и фольклора о медведе как прародителе человека, также как и нет обрядов, отражающих тотемный характер зверя, наподобие медвежьих праздников у народов Западной Сибири и Дальнего Востока.

Выявляемая в бурятских мифах семантическая и даже ассоциативная связь медведя с нижним миром (в рамках вертикальной субмодели МКМ) и левой/задней стороной (в рамках горизонтальной модели), его негативность и инаковость указывают на принадлежность к категории «холодных/чужих» персонажей пантеона и МКМ.

При анализе этиологических мифов бурят о медведе и мифов об оборотничестве человека в медведя нами нигде не обнаружено сюжета, где изначально зверь (медведь) превращается в человека. В мифах бурят о медведе независимо от сюжетной линии (превращение человека в медведя по наказанию бога, либо добровольное превращение его в зверя) главным моментом является то, что персонаж (человек-медведь) изначально является *человеком*. Это обстоятельство говорит, на наш взгляд, о позднем характере происхожде-

ния культа медведя у бурят. Тотемистические рудименты представлений о медведе свидетельствуют о том, что какая-то часть этнических предков бурят являлась «лесными» народами. Но, вероятно, основным компонентом в этногенезе бурят был степной (кочевнический).

Глава 2. «Отражение элементов культа медведя в традиционной картине мира и религиозно-мифологических системах бурят (конец XIX–начало XX вв.)» посвящена исследованию комплекса адоративных элементов, связанных с образом медведя у бурят, в традиционной картине мира и религиозно-мифологических системах (шаманизме), в проекции других культовых систем, отличных от тотемического и промыслового – пропициальном (умиловительном) культе, культе умирающего и воскресающего зверя и др.

Локальной зоной, где шло формирование медвежьих мифов и сопутствовавших им ритуалов, были горно-таежные районы, примыкающие к Байкалу. В пределах этой части Восточной Сибири, которая соотносится в исторический период с бурятским этническим ареалом или соприкасается с ним, бытование культа медведя датируется неолитом, свидетельством чего являются изображения медведя в неолитических петроглифах в долине Ангары. В элементах культового почитания медведя у локальных групп бурят Предбайкалья, Присяянья, Баргузинской долины как предка-покровителя и тотема проявляется общность с универсальностью его образа в культах народов Северной Евразии.

В локативном коде бурятской КМ медведь: 1) *в горизонтальной проекции КМ* маркируется понятиями «левой/восточной» стороны, а в социальном плане – «чужой»; 2) *в вертикальной проекции КМ* занимает два разных положения: а) принадлежит «*верху*» (обитатель вершины горы), семантически соотносимым с Верхним миром; б) принадлежит «*низу*» (подземный житель, хозяин Нижнего мира).

Элементы адорации, связанные с образом медведя, выявляемые в традиционной культуре бурят, свидетельствуют о его связи с многочисленными культами: промысловым, пропициальным (умиловительным), культом умирающего и воскресающего зверя и др.

Также элементы адорации медведю выявляются в рамках бурятского шаманизма: он выступает как дух-помощник черных шаманов, их ездовое животное, хозяин подземного мира. На функциональном уровне образ медведя наиболее приближен к образу шама-

на через медиативные функции (способность проникать в разные миры).

Призывание *Баабгай-онгона* (медвежьего *онгона*), на наш взгляд, представляет собой ритуал, в котором выявляется, хотя и рудиментно, адорация медведю как *сакральному персонажу* (прагматическая цель «вечерки» с призыванием *баабгай онгона* - «если дети не родятся»); удар/шлепок медвежьего *онгона* трактовался как получение «счастья» (*хэшэг*), в бурятской ритуальной традиции представлявшее собой терминологический вариант обозначения сакральной субстанции *сүлдэ/лүлдэ*, обеспечивавшей чадородие). Таким образом, явление *баабгай-онгона* посредством шамана-медиатора означало теофанию сакрального персонажа – божества, представлявшегося в образе медведя.

Анализ образа медведя в шаманской традиции бурят, связанный с мотивом оборотничества и черными шаманами, показывает, что представления бурят о возможности вселения в шамана духа/божества в образе медведя, а также представления о медведях как шаманских духах-помощниках, наложились на архаические представления о возможности оборотничества медведя и первоначально человеческой природе медведя в мифологическом прошлом.

Бурятские шаманы, «обращавшиеся» в медведей или использовавшие медведей в качестве ездовых животных, по нашему предположению, обладали «корнем», который был унаследован от тунгусов (эвенков), либо был получен в результате ассимиляции тунгусских групп этническими предками-предшественниками бурят или в результате брачных связей с тунгусами.

Выявляемое влияние «классического» эвенкийского шаманства на обрядовую сферу бурятских шаманов в связи с фиксируемым проявлением почитания медведя в экстатических ритуалах и представлениях об эвенкийских шаманских корнях корреспондирует с предположением о заимствовании культа медведя этническими предками-предшественниками бурят у таежного аборигенного населения Предбайкалья.

Глава 2. «Культ медведя в системе охотничьих обрядов бурят (конец XIX-XX вв.)» посвящена изучению традиций культового отношения к медведю в обрядово-ритуальном комплексе бурят: проведен структурно-семантический анализ обряда медвежьего культа, определены некоторые особенности бурятских культовых

традиций в почитании медведя с позиций структурно-функционального и культурно-семантического аспектов.

Разработка адорации, связанной с медведем, в системе охотничьих обрядов бурят показывает сложный, синкретичный характер представлений о нем и обрядов, связанных с его промыслом.

Сравнительный анализ обрядов жертвоприношений пред промыслом медведя у разных групп бурят способствовал выявлению общепурятских черт и локальных особенностей в почитании медведя у таежных групп бурят при общем типологическом их сходстве. Так, в обычаях подготовительного периода к охоте на медведя проявляются воззрения о нем как *священном звере*, наделенном сакральными функциями, которые исходят из представлений о нем как:

а) о существе, обладающем человеческими качествами (табу на настоящее название, являющееся следствием аниматизма; представление о возможности медведя понимать человеческий язык, где прослеживается «сверхъестественность» медведя, отражающая представления о его первоначально человеческой природе;

б) о существе иного мира (выход на охоту представлялся как «переход» в иной мир, инобытие, которое воплощал в своем образе медведь);

в) о божественном звере с функциями хозяина тайги и зверей (представление об охоте на медведя как встрече/контакте с божественным зверем (божеством), отразившееся в убеждении необходимости обязательной *ритуальной чистоты* (половое табу, по современным материалам – обязательное мытье в бане накануне охоты и т.д.).

Охота на медведя в традиционном охотничьем мировоззрении бурят представлялась особым *ритуально-обрядовым действием*. Наиболее четко представления бурятских охотников о медведе как о священном звере, убиение которого представляет собой ритуальное действие, отражает добыча медведя «на берлоге». Во-первых, эти воззрения имеют место в формульных обращениях, адресованных зверю до его убиения; во-вторых, в обязательном его бужении от сна перед убиением; в-третьих, в извинительной речи после убиения; наконец, в обрядах умилостивительного характера, следовавших сразу после того, как туша медведя вытаскивалась из берлоги.

Добыча медведя в берлоге предстает также как несвоевременный перевод зверя из иного мира, маркируемого «низом» (берлога), в мир людей. В этой трактовке охота, как и любой ритуал, представляет собой *иерофанию* или даже *теофанию*, обуславливающей

взаимодействие людей/охотников и сакральных сил, ипостасью которых является медведь.

В представлениях и верованиях бурят проявляются анимистические воззрения на медведя, в которых он выступает в качестве духа-хозяина промысловых зверей и особей своего вида. Покровителем всех медведей с функциями регламентации их добычи на каждого охотника у бурят фигурирует персонифицированный образ большого медведя-самца *с хвостом* (знак инаковости). В связи с оппозицией «человек» - «медведь» выступает понятие «сотый медведь», т.е. жизнь одного человека приравнивается жизни ста медведей.

В заключительной части этого раздела главы рассматривается обряд медвежьего культа у бурят, именуемый *«медвежьей церемонией»*. Содержание этих обрядов обусловлено заботами о возрождении души промыслового животного, а все ритуальные действия, производимые в их процессе, отражают универсальную идею главного охотничьего мифа – мифа об умирающем и воскресающем звере. В целом, анализ этих обрядов показывает, что у бурят нет ярко выраженных тотемических черт по отношению к медведю, но для медвежьего культа у бурят характерно переплетение особенностей, присущих и тотемизму, и промысловому культу.

Семантика обрядов, проводимых после умерщвления медведя, была также связана с приобщением к *судэ* (*хулдэ*) медведя как священного животного или с восполнением через поедание его мяса и отдельных органов (явление теофагии – «богоядения»).

В заключительной части главы рассматривается прагматика основных сохраняемых частей тела медведя, защитная (охранительная, целительно-магическая) функция которых также обуславливалась наличием *судэ* (*хулдэ*).

Связывая воедино все ритуальные действия, начиная с подготовки к промыслу, можно предположить, что сама охота как ритуал структурно соотносится с обрядами жертвоприношений у бурят, совершаемых по принципу дар/ жертва ~ ответный дар (божества). Перед выходом на охоту совершалось жертвоприношению духу огня, духам-хозяевам местностей и покровителю охоты *Анда-Бару* или хозяину земли/тайги *Баян-Хангаю*. Жертвоприношение им и является исходным и ключевым моментом в семантике охоты как ритуала. Именно его можно рассматривать как «дар». Ответным даром являлся добытый медведь – животное, ассоциируемое с божеством, или его ипостазирующее и символизирующее, соответ-

венно, являющееся носителем «счастья»/«благодати» сакрального персонажа (божества и духа). В соответствующей прагматике, как мы полагаем, и проявляется суперстратное влияние центрально-азиатской ритуальной традиции.

Ритуальность действий при охоте на медведя у бурят, а также отдельные моменты структуры, семантики и прагматики охоты на медведя совпадают с медвежьей адорацией у других таяжных народов Сибири, и преимущественно у эвенков. Соответственно, можно предположить, что они заимствованы бурятами у тунгусоязычных этнических групп – предков эвенков. Соответствующее заимствование обусловило отношение к медведю как к сакральному животному, ипостаси божества, охоты и соотнесенных с ней ритуалов. В целом, идентичность основных составных элементов медвежьей охоты у бурят с охотничьими народами Сибири, носящих несомненный ритуальный характер, составляет ядро т.н. *медвежьего культа* и является *общесибирской* традицией, восходящей к древним культовым традициям почитания медведя у населения Северной Евразии.

В заключении подводятся обобщающие итоги исследования в соответствии с основными целями и задачами, сформулированными во введении, формулируются основные выводы.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях общим объемом 2,6 п.л.:

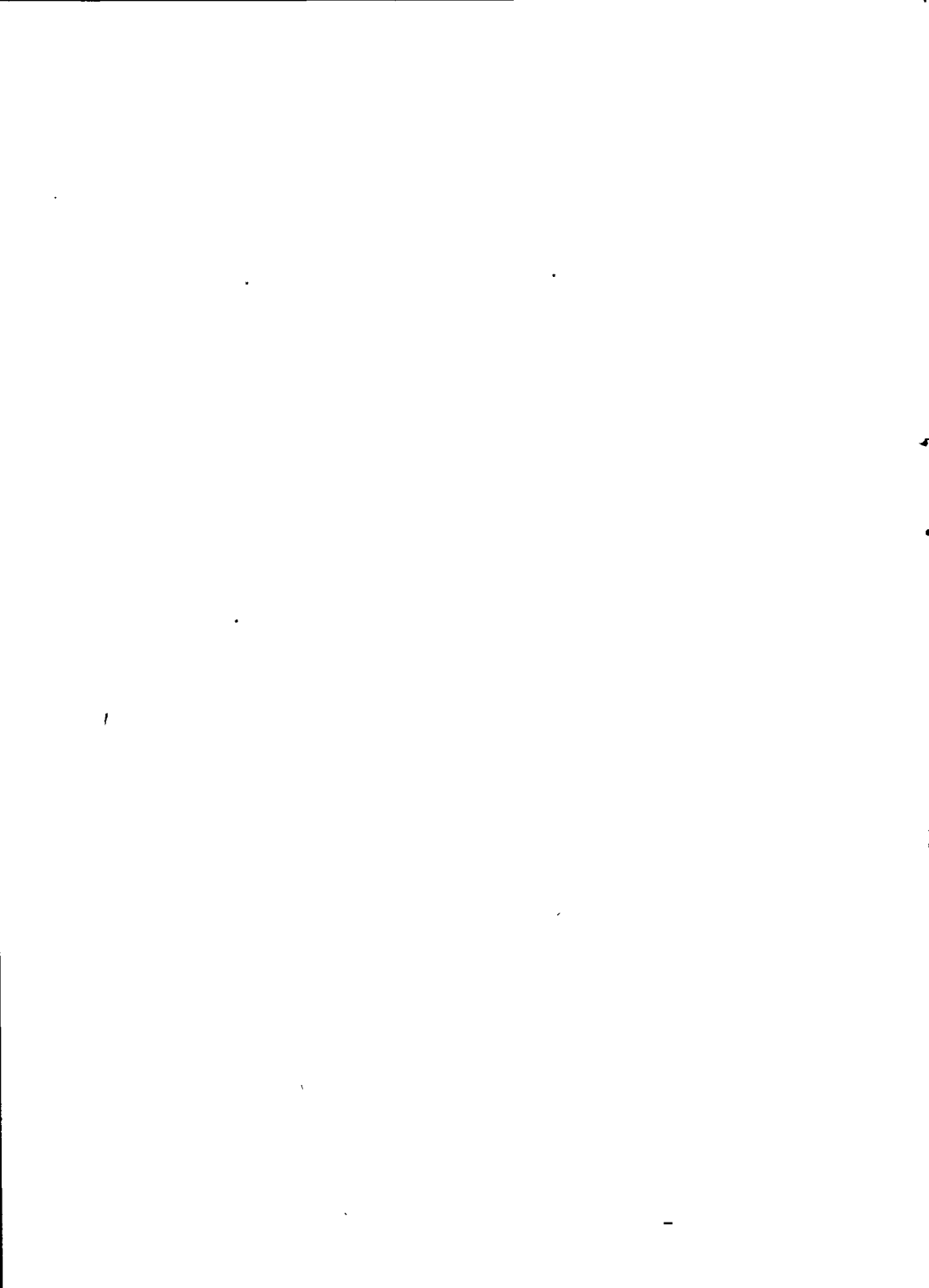
1). Цыренова И.С. *Реликты медвежьего культа в культуре бурят* // Этнокультурное образование: совершенствование подготовки специалистов в области традиционных культур: Материалы IV междунар. симпозиума. 25-28 сентября 2003 г. – Улан-Удэ, 2003. – Т.2. – С.215-222.

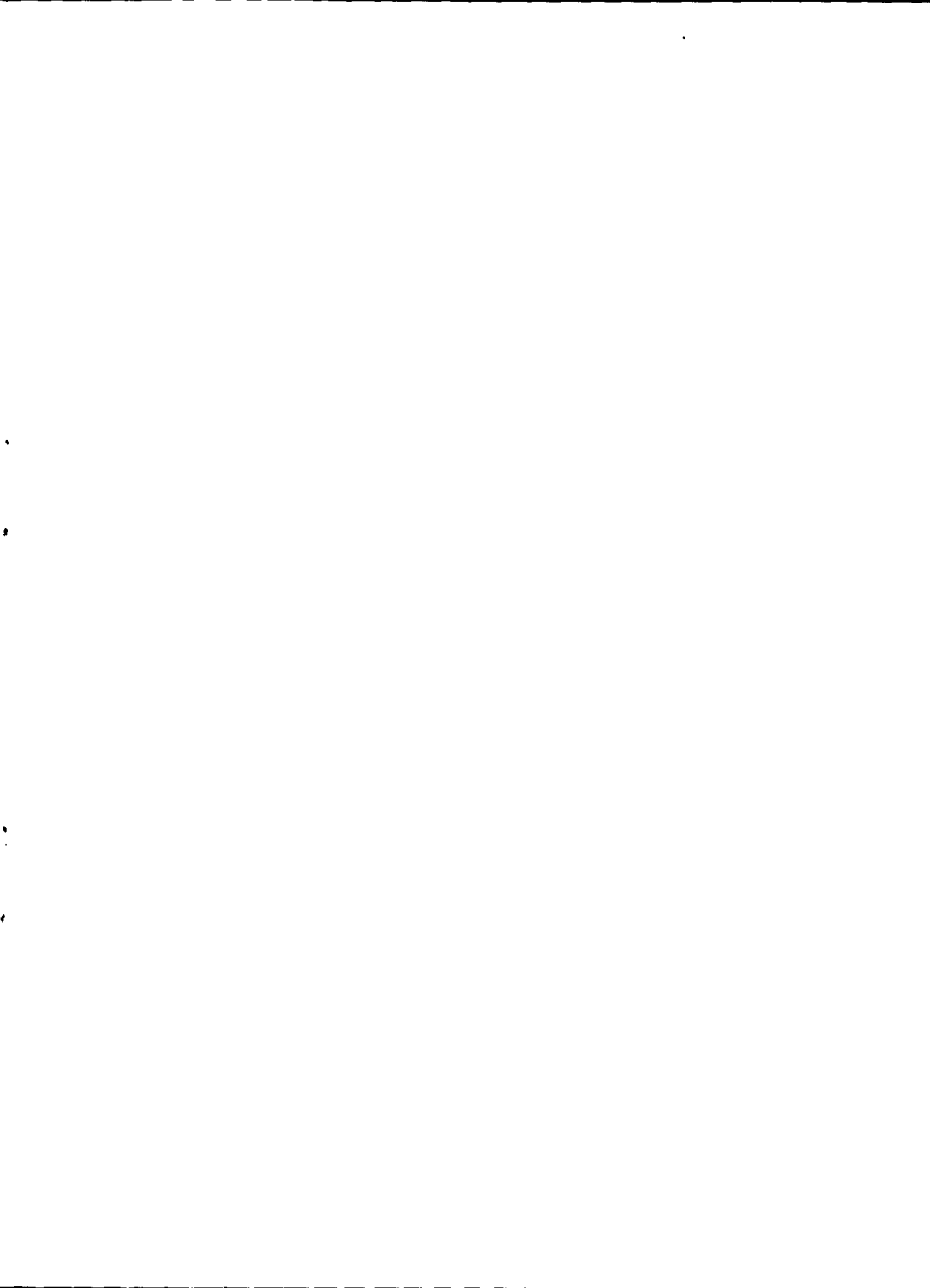
2). Цыренова И.С. *Медведь в традиционных представлениях бурятских охотников* // Сибирь: Этносы и культуры. – Вып. 9. Этнические процессы и традиционная культура. – М.-Улан-Удэ, 2005. – С. 116-129.

3). Цыренова И.С. *Кульм медведя в мифологической и фольклорно-эпической традициях бурят* // Культурное пространство Восточной Сибири и Монголии. – Улан-Удэ, 2004. – Т.1. – С.188-213.

Подписано в печать 28.12.05. Формат 60 x 84 1/16.
Усл. печ. л. 1,1. Тираж 100. Заказ

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

РНБ Русский фонд

2007-4

12092

28 1000

